

Игорь Орлав

Идеальный плюс один

КодМЫ

 Романтическая комедия

Игорь Орлав

Идеальный плюс один

<https://litres.ru/74560612>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лида и Филипп договариваются изображать пару на семейных праздниках: ей хочется наконец поесть за общим столом, ему — избежать сватовства. Но родственники уже предлагают квартиру, строят рабочие планы и делят их будущий год. Лиду тем временем зовут в театр в другом городе, Филипп собирается открыть студию, а встречаться без публики становится всё интереснее. Только как понять, чего они хотят друг от друга, если все вокруг уже всё решили?

Содержание

1. Место для спутника	5
2. Краткая история счастливой пары	10
3. Семейный тариф	15
4. Кабинет с окном	21
5. Человек на коврике	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Игорь Орлав

Идеальный плюс один

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Совпадения с реальными людьми и обстоятельствами случайны.

1. Место для спутника

Лида оторвала от своего стула листок «Для сумок» и обнаружила под ним другой: «Запасной».

— Хорошо, что уточнили, — сказала она.

За час до начала чужого юбилея в зале пахло тёплым хлебом и стеблями. Помощница Соня распутывала зелёную ленту, официант на корточках уравнивал ножки стола. Из колонки негромко шёл дождь: звукорежиссёр проверял запись, которую именинник заказал для своего выхода. По замыслу после дождя должна была появиться радуга. Чем именно появиться, именинник пока не объяснил.

Лида положила обе бумажки на стойку и вернулась к телефону.

— Мам, я спрашиваю не про сегодняшний вечер. Где я сижу десятого?

— У нас же всё свободно. Сядешь, когда захочешь.

— В прошлый раз я захотела во время второго горячего. Стульев уже не было.

— Потому что ты вечно куда-то убегаешь.

Лида прижала телефон плечом, подняла упавшую ленту и подала Соне. Ей было тридцать пять, она двенадцать лет организовывала мероприятия, но семья всё ещё представляла её работу как приятную особенность характера: Лиду можно попросить. За чужие праздники она получала деньги. На се-

мейных ей доставался большой пакет еды, который забывали вынуть из служебного холодильника.

— Десятого у тебя юбилей. Я хочу быть дочерью с тарелкой.

— Конечно. Кто же спорит? Только встретить Инну, она привезёт вазу. И посмотри, чтобы Павел не включал свою музыку. И с Федей поговори, он не знает, куда поставить проектор.

— Я приду не одна.

Дождь в колонке закончился. Внезапная тишина придала заявлению ненужную торжественность.

— С кем? — спросила мать.

Филипп Корнеев, стоявший у аппаратуры, поднял с пола моток кабеля. Он был высок, худощав и неизменно гладко выбрит; прямые тёмные волосы заправлял за уши, когда работа требовала наклониться. Лида видела его на шести или семи мероприятиях. Он не называл каждое препятствие катастрофой, и уже за это она считала его подходящим человеком для совместной деятельности.

— С Филиппом, — сказала она.

Он выпрямился.

— С тем самым? — Мать понизила голос, хотя находилась у себя дома. — Который с ноября?

В ноябре Лида, спасаясь от разговора о сыне маминой подруги, сообщила, что у неё кто-то есть. У того человека не было имени, зато за девять месяцев он ни разу не простудил-

ся, не позвонил не вовремя и не попросил встречу перенести. Удобство объяснялось исключительно тем, что человека не существовало.

— С ним, — ответила Лида и закрыла глаза.

Филипп медленно уложил кабель в кофр.

— Ну вот! — сказала мать. — А ты говорила, некуда сесть.

Я вас посажу рядом со мной.

Связь оборвалась. Лида посмотрела на звукорежиссёра.

— Ты занят десятого?

— Уже не уверен.

— Это был не способ приглашать. Я понимаю.

— Тогда начни ещё раз.

Она начала. Объяснила про мамины шестьдесят лет, семейный банкетный зал «Абрикос», которым мать управляла, и про собственное желание один вечер не знать, где лежат запасные салфетки. Про ноябрь не сказала. На таком расстоянии от события ноябрь казался мелкой технической неточностью.

Филипп выслушал, не отвлекаясь на телефон. Спросил, сколько гостей и в какое время заканчивается ужин. Лида уже почти услышала согласие, когда он произнёс:

— У меня двадцать четвёртого проводы отца на пенсию.

— Нужен организатор?

— Нужен человек, рядом с которым меня перестанут организовывать.

Он сел на её запасной стул. Мать Филиппа Тамара пригла-

сила на отцовский праздник дочь своей приятельницы, переводчицу. До этого была соседка с собакой, потом преподавательница рисования. Все женщины, по словам Филиппа, оказались приятными и совершенно не виноватыми в том, что за семейным столом им сообщали: «А он у нас один».

— Мне тридцать восемь. Я плачу за квартиру, работаю и умею варить суп. Но в семейной версии я временно оставлен без присмотра.

— У меня обратное. Я присматриваю за всеми.

— Вот это и можно исправить.

Лида посмотрела на часы. До прихода гостей оставалось сорок минут. На кухне кому-то понадобилось её мнение о радуге.

— Ты предлагаешь обмен?

— Два ужина. Ты на моём не работаешь, я на твоём. Никаких разговоров о свадьбе.

— У меня ещё свадьба Веры в сентябре. Двоюродная сестра. Там я обещала помочь заранее, но хочу хотя бы поесть вместе со всеми.

— Тогда это уже три ужина.

— Два ужина и свадьба. Разная сложность.

Он подумал.

— А у отца проводы на даче. Там может понадобится переносить стол. Я не стану притворяться человеком, который не способен перенести стол.

— Один стол допускается. Двадцать четыре стула счита-

ются возвращением к трудовой деятельности.

Филипп улыбнулся. У него был длинный, чуть выступающий нос и серьёзный рот, который при улыбке вдруг делал всё лицо моложе.

Лида открыла заметку в телефоне. Они договорились, что не будут изображать чужие профессии, придумывать болезни и объяснять отказ от чего-либо недостатками партнёра. Познакомились на работе. Встречаются с марта. Предпочитают не обсуждать личное на людях. Если один захочет прекратить, второй согласится без вопросов.

— Без дополнительных вопросов, — уточнил Филипп. — Один всё-таки можно задать.

Она записала.

В зал вошёл именинник, увидел подготовленные столы и спросил, можно ли повернуть их в другую сторону: он всю жизнь мечтал входить с востока.

Лида поднялась. Филипп одновременно с ней посмотрел на глухую стену, за которой находилась кухня.

— С востока будет горячее, — сказал он. — Это надёжнее радуги.

Лида засмеялась первой. И только потом подумала, что, возможно, три вечера с этим человеком окажутся не такой уж тяжёлой работой.

2. Краткая история счастливой пары

Для подготовки они выбрали столовую рядом с прокатом оборудования. Лида пришла с блокнотом, Филипп — с двумя грушами. Он не знал, успеет ли поесть, и взял их из дома.

— Значит, ты предусмотрительный, — сказала она.

— Нет, просто вчера купил слишком много.

В столовой оставались щи и запеканка. Лида взяла и то и другое, хотя собиралась ограничиться чаем. Филипп устроил груши между ними, словно не совсем согласованные элементы сервировки.

Они начали с имён. Галина и Павел — её родители. Инна — мамина сестра, мать Веры. Не говорить при Инне «в вашем возрасте»: она ответит «в моём возрасте у вас ещё всё впереди» и потребует уточнить, что именно. Вера и Андрей женятся двадцать первого сентября. Перед свадьбой седьмого будет семейный ужин, чтобы родители жениха и невесты познакомились без ведущего и музыки.

— Без музыки? — переспросил Филипп.

— Можешь не приходить с инструментами.

— У меня не инструменты. Хотя это сейчас неважно.

Лида зачеркнула в блокноте «два плюс один» и написала «четыре события».

— Ты можешь отказаться от четвёртого.

— Сначала посмотрю, как пройдёт первое.

Его родителей звали Николай и Тамара. Сестра Ася сразу замечала, если человеку неуютно, но не всегда правильно угадывала причину. Её девятилетний сын Митя задавал вопросы без подводки. Николай любил готовиться к любой поездке так, словно на месте не было магазинов, а Тамара считала, что магазин может быть, но привычного печенья в нём наверняка нет.

— Они переезжают на Садовую? — Лида пыталась разглядеть его записи.

— С Садовой. Присмотрели квартиру поменьше, рядом с парком. Старую собирались продавать. Но отец всё переживает, куда я буду возвращаться, если опять что-нибудь не получится.

— А не получается что?

— Он не определяет. Так удобнее тревожиться.

Филипп отодвинул чашку. Он рассказал, что снимает жильё третий год, а до этого работал в разъездах. Осенью хочет арендовать со Стасом две комнаты под студию записи. Стас делает музыку для небольших спектаклей, Филипп монтирует речь и ведёт запись. Вместе они уже выполняли заказы, но собирались впервые обзавестись постоянным помещением.

— Надоело каждый раз собирать вещи, — сказал он. — Хочу приходить утром и находить всё там, где оставил.

— А вдруг тебе надоест одно и то же место?

— Я пробовал другие. Убедился.

Лида улыбнулась, но на её лице осталось задумчивое выражение. Ей как раз хотелось другого места. Неделью назад знакомая режиссёр Марина предложила ей на полгода уехать в Тверь и стать продюсером камерного театра: собрать небольшой сезон, договориться о площадках, наладить всё то, что всегда проваливалось между художественной идеей и открытием дверей.

Предложение лежало в почте. Лида отвечала на рабочие письма десятками, а это перечитывала, не отправляя даже вопроса.

— Я, наоборот, люблю менять картинку, — сказала она.

— Даже в собственной комнате иногдадвигаю стол.

— Это не обязательно делать в другом городе.

— Иногда обязательно.

Он не стал спрашивать. Потом Лида вспоминала этот момент: ей понравилось, что не стал, и одновременно хотелось, чтобы спросил.

Они перешли к бытовым мелочам. Филипп не ел оливки, терпеть не мог неожиданно включённый свет и опаздывал редко. Лида любила оливки, просыпалась сразу, а опаздывала именно на нерабочие встречи, потому что пыталась перед выходом закончить всё недоделанное. Филипп предложил не обмениваться этими сведениями с родственниками.

— Чем меньше сочиним, тем легче запомнить.

Тут ей следовало сказать про ноябрь. Вместо этого она

спросила:

— А как мы стали встречаться?

— Договорились после работы поесть.

— Скучно.

— Мы сейчас именно это делаем.

Лида на мгновение перестала водить ручкой. В столовой стучали подносы, у окна мужчина отделял укроп от картофельного пюре. Ни один человек на свете не мог принять эту встречу за романтическую. Тем не менее она зачем-то поправила короткую светлую кудряшку у виска.

— Тогда пусть было после концерта. В марте. Пошли в столовую, остались только щи.

— Щи уже заняты, — сказал Филипп. — Давай не будем присваивать настоящее.

— Ты серьёзно?

— Немного.

Они оставили просто «после работы». Перед уходом Филипп положил перед ней грушу.

— Это не часть роли.

— Разве ты не вчера купил слишком много?

— И это тоже правда.

У дверей Лида получила сообщение от матери: «Поставила вас рядом. Какую рыбу ест Филипп?»

Она повернула экран к нему. Он назвал рыбу, мать ответила тремя восклицательными знаками, и Лида испытала неприлично большое облегчение. Ни разу за всё время под-

готовки юбилея Галина не спросила, что будет есть её дочь. Теперь у Лиды появился сосед, а вместе с ним — собственное место.

Она сунула блокнот в сумку, уронив ручку. Филипп поднял её, и они оба наклонились так неудачно, что едва не столкнулись лбами.

— С поцелуями ничего изображать не надо, — быстро сказала Лида.

— Это хорошо. Сначала научимся одновременно поднимать ручку.

3. Семейный тариф

Десятого августа Лида впервые вошла в «Абрикос» через парадную дверь с маленькой сумкой. Обычная её сумка была способна принять скотч, ножницы, запасную блузку и чьё-нибудь окончательное решение, принятое за пять минут до начала.

Филипп нёс букет для Галины. Сам выбирал, уточнив только, есть ли у именинницы любимые цветы. Лида ответила, что мама любит те, которые не придётся долго переставлять. Он принёс невысокий букет в коробке.

— Ты оценил ситуацию, — шепнула Лида.

— Это тоже не часть роли.

Галина встретила их в светлом платье и с половником. На кухне никто не нуждался в её помощи, но она не могла пройти мимо блюда, которое, по её мнению, следовало перемешать.

Филипп представился. Мать Лиды вместо руки протянула ему половник, заметила это и засмеялась так легко, что Лида сразу перестала ждать допроса.

— Наконец-то. А то у нас человек почти год есть, а фотографий нет.

Филипп повернул голову к Лиде. Она сжала его локоть: очень коротко, почти по делу.

— Мы не торопились, — сказала она.

— С фотографиями? — уточнил он.

Галина уже звала Павла и не услышала.

За столом у Лиды стояла карточка с именем. Возле неё лежал прибор. Простая возможность развернуть салфетку самой показалась ей роскошью. Она отодвинула нож и положила рядом букетную карточку, которую Филипп не успел выбросить. Хотелось иметь доказательство, что она действительно здесь сидела.

Инна начала не с отношений, а с работы. Узнав, что Филипп звукорежиссёр, спросила, почему телевизор дома сначала шепчет, а потом пугает рекламой. Он выслушал и ответил, что без телевизора перед собой не разберётся. Инна отнеслась к этому с уважением. Люди, которые обещали разобраться сразу, потом обычно не приходили.

Павел спросил, любит ли он рыбалку. Филипп сказал, что нет. Павел кивнул:

— Значит, уже есть о чём не разговаривать.

Инна захотела знать, кто первым предложил встречаться. Лида и Филипп вдохнули одновременно. Он успел подать ей едва заметный знак ладонью — такой же, каким на работе просил ведущего не начинать фразу, пока шла предыдущая запись. Лида остановилась. Филипп спокойно сказал:

— Я долго собирался.

Это подходило и к марту, и к ноябрю. Лида подхватила ответ с улыбкой, которой обычно встречала незапланированное выступление заказчика:

— А я люблю решать всё сразу. Поэтому пришлось договориться, кто за что отвечает.

— И за что отвечает он? — спросила Инна.

— За паузы, — ответила Лида.

Галина рассмеялась и сказала, что дочери такие паузы давно нужны. Филипп хотел возразить, но Лида уже задала матери вопрос о том, сколько раз Павел приглашал её в кино, прежде чем она согласилась. Тема перешла к имениннице без заметного шва. Павел немедленно назвал число, с которым Галина была категорически не согласна.

Пока родители спорили о собственном знакомстве, Филипп наклонился к Лиде:

— Хорошо сработали.

— Нас можно рекомендовать.

Она улыбалась, довольная лёгкостью, с которой удалось спасти разговор. И не сразу заметила, что мать уже успела сказать соседке: «Он её учит не торопиться».

Праздник начался. Лида по привычке заметила, что одной гостье неудобно сидеть у колонки, но прежде чем она встала, Филипп тихо спросил:

— Ты сейчас гостя или организатор?

Она открыла рот и закрыла. Позвала официанта, попросила помочь. Это заняло десять секунд. Мир не разрушился.

В какой-то момент из кухни показалась Соня, которую Лида наняла на вечер координатором. У неё потерялся человек с тортом. Лида уже подвинула стул, но Филипп коснулся

края стола возле её руки. Не удерживал. Просто напомнил о собственном присутствии.

— Соня, у тебя есть номер курьера, — сказала Лида. — Посмотри в последнем сообщении. Если не отвечает, позвони в кондитерскую.

Соня кивнула и ушла. Через пять минут курьер нашёлся у служебного входа: не решался позвонить, потому что на двери висело «Не беспокоить во время мероприятия». Табличку повесила сама Лида полгода назад.

— Всё-таки надо было добавить исключения, — признала она.

Филипп отдал ей оливки со своей тарелки. Она взяла их раньше, чем успела вспомнить, что за ними наблюдают.

— Вот, — сказала Инна Галине. — Уже распределились.

После третьего поздравления Галина встала. Она поблагодарила всех, особенно сотрудников, которые помогли ей просидеть хотя бы половину собственного юбилея. Потом сказала, что шестьдесят — хороший возраст для перемен, а у Лиды теперь, похоже, тоже начался спокойный период.

Лида почувствовала, как напрягся живот.

— Мам, спокойный — это сегодня.

— Я понимаю. Но когда рядом надёжный человек, можно подумать и о серьёзном деле. Давно пора передавать зал в молодые руки.

Филипп посмотрел на Лиду. Ему было совершенно нечего сказать об этих руках.

Галина не сделала официального объявления. Только улыбнулась, предложила выпить морса и села. Но Инна уже наклонилась к Вере, а Павел довольно сложил руки на столе. Лида вспомнила оставшееся без ответа письмо из Твери и съела оливку, не почувствовав вкуса.

Позже, у выхода в маленький двор, Филипп спросил про ноябрь.

— Ты сказала — с марта.

— Мы могли познакомиться раньше.

— Она сказала: человек почти год есть.

Лида оперлась плечом о стену. Вечерний свет ложился на её широкие скулы, делая лицо упрямее обычного.

— Я сказала маме про кого-то ещё осенью. Чтобы отстала. Сегодня не смогла объяснить, что ты другой.

— Я действительно другой, — сказал он без улыбки.

Из зала донёсся смех. Лида посмотрела на дверь: вернуться и объявить правду сейчас означало превратить день рождения в обсуждение её личной жизни. Ровно этого она пыталась избежать.

— Давай скажем, что знакомы с ноября, а встречаемся с марта. Дальше ничего менять не будем.

— Дальше говори мне, если что-то уже придумано.

— Хорошо.

Он принял объяснение. Это было второе удобство за вечер, которым она воспользовалась слишком быстро.

Когда они вернулись, Галина ела торт. Перед Лидой то-

же стоял кусок — ровный, с абрикосом сверху. Впервые за несколько лет ей оставили не обрезки.

Мать подняла на неё глаза и сказала:

— Как хорошо, что ты наконец можешь просто посидеть.

Лида села. Филипп подвинул ей вилку, и она решила, что самое трудное уже позади.

4. Кабинет с окном

У Лидинога кабинета было одно преимущество перед всеми кабинетами, которые она могла себе позволить: за него не требовалось платить. Окно выходило на глухую стену соседнего дома, дверь зимой разбухала, зато здесь помещались рабочий стол, высокий шкаф и чужие обещания, сложенные в папки по месяцам.

Галина предоставила ей комнату три года назад, когда прежнее агентство Лиды закрылось. «Пока не встанешь на ноги», — сказала тогда мать. Ноги давно работали, но кабинет оставался, и разговор о благодарности постепенно слился с разговорами о бесплатной помощи залу.

Утром после юбилея Лида сняла со шкафа коробку старых украшений. Искала удлинитель, нашла двенадцать одинаковых бумажных птиц. На одном крыле была пометка «Не выбрасывать: хороший размер».

Она посадила птицу на монитор и открыла письмо Марины.

Работа в Твери начиналась первого октября. Договор на шесть месяцев, съёмная комната, которую помогал найти театр, известный заранее гонорар, три небольших спектакля и возможность наконец заниматься не только чужими тостами. Ответ просили дать до двенадцатого сентября. Марина приписала: «Нам нужен человек, который умеет удержать всю

конструкцию. Но если не хочешь, скажи. Мы переживём».

Лида перечитала последнее предложение дважды.

Вошла мать. Поставила на край стола чашку, убрала птицу, чтобы не касалась горячего.

— Мне понравился Филипп.

— Ему ты тоже.

Это была непроверенная фраза, но Лида произнесла её без малейшего усилия.

— Не суетится. Павел говорит, хороший человек. Они полчаса обсуждали, зачем сохранять коробки от вещей.

— У Филиппа это работа.

— У твоего отца призвание.

Мать села на единственный гостевой стул. Она редко заходила просто поговорить. Обычно разговор происходил между вопросом о доставке и поисками запасного ключа.

Галина хотела с октября сократить свою нагрузку. Не уйти совсем: ей нравились люди, нравился зал по утрам, нравилось видеть, как из пустого помещения получается чей-то праздник. Но сидеть над каждой сметой и ждать ночного окончания банкета уже не хотелось. Она собиралась предложить Лиде управление, постоянный заработок и возможность перестроить работу по-своему.

— Это хорошее предложение, — сказала Лида.

— Конечно, хорошее. Поэтому я его и делаю.

— Только у меня есть другое.

Мать удивилась. Лида рассказала про театр, но, дойдя до

шести месяцев, сказала «сезон». Дойдя до Твери — «нужно будет ездить». О комнате не сказала вообще.

— Ты же всё равно сможешь работать здесь, — обрадовалась Галина. — Дашь девочкам задания, а сама съездишь на премьеру. Филипп останется, будет кому возвращаться.

— Мам, дело не в нём.

— Я понимаю. Просто раньше ты выбирала всё временное. Может, теперь захочется устроиться.

Лида смотрела на бумажную птицу возле чашки. Она могла ответить совершенно определённо. Умела это делать с заказчиками, которые просили построить сцену за ночь или накормить дополнительных сорок человек без дополнительных расходов. Однако сейчас перед ней была мать, вчера счастливо вручавшая половник незнакомому мужчине.

— Мне нужно подумать до сентября.

— Подумай. Я пока никого искать не буду.

Мать ушла. Лида открыла сообщение Филиппу и написала: «Мама уже советуется с тобой заочно».

Он ответил не сразу: «О чём?»

«О том, что я хочу».

«Удобно. Я пока ничего не знаю».

Лида засмеялась. Собиралась рассказать про театр полностью, но в кабинет заглянула Соня с накладной, и телефон лёг экраном вниз.

Вечером Филипп позвонил сам. Поблагодарил за ужин и сказал, что перед отцовским праздником им придётся ещё

раз встретиться. Тамара спрашивала, любит ли Лида собирать грибы.

— Ты меня ещё не выдал за специалиста?

— Нет. Сказал, что ты отличаешь грибы от деревьев.

— Зря так уверенно.

Лида упомянула предложение от театра в Твери. Филипп спросил, что за работа; она объяснила про показы и организацию небольшого сезона, не называя сроков. Сказала, что ещё думает, стоит ли ездить. Он принял это именно за несколько поездок и не стал уточнять.

Потом он помолчал и добавил:

— Я сказал родителям, что у нас всё спокойно. На случай, если будут спрашивать.

Лида посмотрела на письмо из Твери.

— Спокойно — это неопределённо.

— Именно поэтому и сказал.

Они ещё несколько минут обсуждали, что принести на дачу, а затем разговор закончился. Лида написала Марине вопрос о жилье и расписании. Отправила, прежде чем успела придумать уважительную причину отложить. Потом забрала бумажную птицу домой.

5. Человек на коврике

Филипп жил на третьем этаже в небольшой квартире, где у входа стояли аккуратно подписанные коробки. На одной было «Кухня», хотя кухня находилась в трёх шагах и никаких препятствий между ней и коробкой не наблюдалось.

Лида пришла двадцать второго, чтобы забрать забытый после совместной работы шарф и уточнить подробности дачного праздника. Филипп предложил чай. Она заметила коробки, но промолчала, потому что сама иногда хранила зимние вещи в чемодане до следующей зимы.

— Я собираюсь переезжать, — объяснил он без вопроса.

— Скоро?

— Пока ищу. Но не хочу снова распаковывать всё.

— А сколько ты здесь?

— Третий год.

Он посмотрел на коробку и тихо засмеялся, словно впервые оценил собственную предусмотрительность со стороны.

На кухне было уютнее. Неровный керамический кувшин, деревянная хлебница, красный коврик у раковины. На холодильнике висело детское изображение мужчины с очень длинными ногами. Подпись сообщала: «Дядя Фил несёт суп».

— Митя считает, что это моя основная работа, — сказал Филипп.

Он действительно варил суп. Пока они обсуждали родителей, доставал ложкой морковь, пробовал, возвращал кастрюлю на огонь. Лида сидела боком на стуле и смотрела, как легко он занимает свою маленькую кухню. На работе Филипп как будто старался помещаться в самом узком промежутке между людьми. Здесь мог потянуться за чашкой через весь стол, не извиняясь за свои руки.

— Мне говорили, ты замкнутый, — сказала она.

— Кто?

— Не помню. Кто-то из ведущих.

— Наверное, один из тех, кто требует поговорить со мной, пока я слушаю.

Он поставил перед ней миску. Лида собиралась уйти через десять минут и осталась ещё на сорок.

Родители Филиппа всю жизнь работали по устойчивому расписанию. Николай был инженером, Тамара заведовала хозяйством учебного центра. Сын с ночными возвращениями и звонками из чужих городов казался им человеком, который ещё не нашёл постоянного занятия. При этом они искренне гордились любой афишей, где его имя удавалось разглядеть.

— Я хочу, чтобы они переехали и начали жить, как собирались. Отец каждый просмотр новой квартиры заканчивает словами: «А Филиппу где?» Я уже устал объяснять, что со мной будет всё нормально.

— Поэтому нужна я.

— Поэтому я согласился. Сказать «у меня своя жизнь» оказалось менее убедительно, чем назвать твоё имя.

Лида кивнула. Ей не пришлось долго представлять, как это бывает.

Филипп рассказывал без обиды на родителей, и это нравилось ей больше, чем готовые шутки о навязчивой семье. Он любил их. Покупал для отца носки, которые тот нигде не мог найти, и слушал длинные материны отчёты о комнатных растениях. Просто не хотел, чтобы за каждый знак заботы полагалось новое объяснение собственной жизни.

— А если после праздника они станут звать меня постоянно?

— Будем говорить, что занята.

— А если я не занята?

Он поднял глаза.

— Ты хочешь приходить?

Лида смутилась неожиданно для себя.

— Я уточняю устройство легенды.

— Тогда иногда приходи. Пока это не станет тебе мешать.

Это прозвучало слишком легко. Лида не поняла, приглашает он её на семейные обеды или оставляет удобную лазейку. У самой был точно такой же голос, когда она отвечала матери: «Я подумаю».

После супа они придумывали, что подарить Николаю. Филипп купил бинокль и хороший термос, но хотел добавить что-нибудь смешное. Лида предложила пустое расписание

на первую свободную неделю. Потом отказалась: человек, проживший столько лет по расписанию, мог и не обрадоваться пустоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.